

Вот такой я теперь...

Буриме

Летело три птицы. Вдруг видит — капуста.
От голода болью свернуло крыло.
Три птицы сказало: "Послушай, как вкусно!".
Сказало и тут же втроем умерло.

Памяти Чехова

Написано в соавторстве
с Игорем Павловым

Зимой у Гамсуна был кнут.
Он им лупил детей.
А Вальтер был изрядный скот,
чем развлекал людей.

А Грибоедов Александр
со скуки в Персию подался.
Там цвел столетний олеандр.
И Лев с Толстым не раз встречался.

Еврейские рекомендации

1. Евреи маленького роста,
придерживайтесь правил ГОСТа!
2. Евреи изо всех возможных мест!
Вы все должны нести свой Южный Крест.

Пазолини

пазолини, пазолини,
ты похож на в поле дыни
в желто-синем керосине
проплывает стадо вшей
на губах синее иней
говорил мне старший Плиний:
пазолини пазолини
ты шумишь на мандолине
как какой-нибудь Орфей

как какой-нибудь Тарквиний
в завалящей на витрине
колбасе находит пищу
а в окне находит вид
как в реке находят птицу
как в свинье находят влагу
как в носу находят фигу
а в желудке дифтерит

пазолини пазолини
в золоченой тонкой тине
как в натруженной перине
проплывает стадо жил
углекислой толстой Нине
протянул ладони линий
кислородной пелерине
ты обязан тем что жил

В бельевой твоей корзине
скачут птицы. Балерине,
обернувшейся к витрине,
ты предложишь подождать.
Балерина пышет пачкой.
Бабушка в деревне прачкой.
А она не будь гордячкой
В пачке жар и благодать.

Запахло

Запахло лифчиком созвездий,
Сырым лимоном падших сфер,
замшелой правдою известий, —
я прискакал в СССР.

Иногда

Мы ехали в поезде в Нижний Манхеттен
Из Бруклина прямо сюда.
Обильные груди склонились над книгой —
Зачем? Почему? Иногда.
Оперлись о коврик роскошные ноги.
О чем эта книга? О всем.
Листает страницы по ходу дороги
Веселый, здоровый Гудзон.

Соловей

Назым Хикметом курдский соловей
Влетел в мечеть на поиски гороха

Вечером

Ночник чиновника Чернова
Не застрахован от чувих
Приходит Настя Шелунцова
В прозрачных кофточках одних
Заходит ящер дядя Саша.
Его в очках старинный вид
Напоминает простоквашу,
В которую коньяк налит.

Вот такой я теперь

Обоняю творог и покой
Отнимаю зурну у акына
Отворяю ворота ногой.
Не скучаю за верным плечом
Отмечаю конвойную сладость
Отвергаю промокший арахис
Отпевая себя на убой
Вот такой я теперь, вот такой.

Над рюмкой

Отделенный от мира болезнью прозрачной
Я повис в ресторане над рюмкой коньячной

Товарищ

Отчасти герб, отчасти крестик,
передовик и дровосек,
он друг и брат, он мой ровесник,
он ришельевский человек.

Много

Сотни роз и левкоев.
Я тебя не виню.
Много разных изгоев
на твоей авеню

Сказка про дождик

Расскажу тебе я сказку
(Я тогда еще не пил),
как однажды дядя Фельдман
дядю Гринберга убил.

Как потом над ним он плакал,
как в могилу положил,
как лопаткой долго стучал,
сверху камнем привалил.

Дядя Фельдман был жестокий
и всегда носил кинжал.
Дядя Гринберг был хороший —
никого не обижал.

Дядя Фельдман ел, как лошадь,
пистолетом чай мешал.
Дядя Гринберг был хороший —
целый день в кровати спал.

Но однажды дядя Гринберг
вышел в садик погулять.
Дядя Фельдман там был тоже,
чтоб газету прочитать.

Вдруг закапал сильный дождик.
Дядя Фельдман вынул зонт.
Рядом с ним сидела тетя —
стала мокрая совсем.

Дядя Гринберг разозлился,
к дяде Фельдману подсел
и сказал: "Как вам не стыдно!
Тетя мокрая совсем!"

Не успел тут дядя Фельдман
даже рот свой улыбнуть,
как проворный дядя Гринберг
зонтик смог его стянуть.

И тогда-то дядя Фельдман
вынимает свой кинжал.
И случилось то, что раньше
я уже вам рассказал.

Эту сказку дядя Толя
Оле-девочке прочел,
чтоб она не стала тетей
и не мокла под дождем.

Железнодорожный вальс

Какой стороной ни пойдете —
поедете в дальний Ростов —
железнодорожная тетя
ударится грудью о столб.

Я в мыслях — скрипач и художник,
и в самом далеком краю, —
фотографы! Ставьте треножник! —
железную тетю люблю.

Металла трамвайного скрежет,
Раскованной службы полет!
Моя пассажирка, о ласточка, где же,
в какой любознательный год?..

Железо. Дорожная тетя
с красивой фигурой груди,
в таинственно-сказочном гроте
сверкающей, жаркой любви.

Я был тогда юн и рассеян
по многим дорогам страны.
Донецкий шахтерский бассейн
припомните? Вспомнить должны.

Она мне конечности гладит
и спину свою отдает —
железнодорожному дяде,
ценителю дамских живот.

Я песни ей купно слагаю,
люблю ее мыть и тереть
и с полки лицо наклоняю
в купейную, душную клеть.

Дышу ей в лицо скипидаром
своих засверкавших сапог.
Я в поезде ездил недаром
и твердый билетик сберег.

Ты родом была из Сибири
и ехала в ту же страну,
в закатно-безоблачной шири
прилипнув грудями к окну.

Она меня громко бранила
за то, что так выключен свет,
и руки солдатские мыла
малиновым чаем в ответ.

Повесься в вагон-ресторане!
Умри на железном ходу,
отдайся грохочущей пране
в земном гефсиманском саду!

Наташа

На рыжем плече гиганта,
быстрее, чем дымят сарай,
кого принесли в больницу,
кого снимают с носилок?

Кого принесли в больницу?
В больницу внесли Наташу.
Ее заболели руки,
ее отказали ноги.

Кому нездоровится печень?
Наташе! Наташе! Наташе!
Зачем она здесь ночует?
Ей мать отказала в крове.

Кого теперь тронет скальпель?
Он тронет печенку Наты.
Кого тогда звать на помощь?
Профессора Штеренберга.

Профессор — известный доктор.
Халат его чист, как совесть
убитого им ребенка
во имя отца и сына
и их пропавшего брата.

Возможно, Наташа встанет
и в сад убежит играть.
А если не встанет, кто же
продолжит ей отдых летний?

И как тогда шить одежду?
Она упадет на стулья
безвольным станком токарным,
безглазым судьей футбола.

Выходит, не надо спорить,
о том, у кого что лучше.
Выходит, больная печень
решает вопросы жизни.

Выходит, что жизнь Шопена —
не больше, чем смерть жирафа
и прав был поэт французский,
когда он перо забросил.

Тогда я не стану спорить.
Куплю миллион таблеток
и сяду писать рассказик:
"Прощание с литературой".

Который час?

В полпервого ночи котенок ушастый
взобрался на башню сквозь воздух неясный.
Полез, чтобы ржавчину лапой взрыхлить,
ночной час помочь циферблату пробить.

Я снимал

Я снимал с себя пиджак,
словно чистил некий плод,
изготовленный в краях,
где все толстое растет.
Распахнув свои клубники
и на шкаф давя спиной,
как легко махнула ты
ярковымытой ногой!

Кто там?

- Кто там стучится в поздний час?
- Кто, кто, ну я, еврей.
- Иди домой, все спят у нас.
- А вы? — спросил еврей.

- Как ты прийти ко мне посмел?
- А что? — сказал еврей.
- Небось, наделаешь ты дел.
- Зачем? — сказал еврей.

- Попробуй в дом тебя впустить...
- Куда? — спросил еврей.
- Всю ночь ты сможешь прогостить.
- Не всю,— сказал еврей.

- О том, что буду я с тобой...
- Вот-вот! — вскричал еврей.
- Молчи до крышки гробовой.
- Уже, — сказал еврей.

